

Культура. - 1992. - Зокт. - С.9. ЕДИНСТВЕННАЯ И СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Старейшему русскому драматическому театру из Курска — двести лет. У коллектива богатое прошлое, такое же, как у всех нынешних, нелегкое настоящее, много планов. К юбилею выпускают «Отелло» с главным исполнителем — Валерием Ломако. Поздравляя театр с юбилеем, наш корреспондент посвящает свою статью его лидеру и первому артисту.

У актеров из далекого моего детства было принято даже внешне подчеркивать свою непохожесть на других. Помню послевоенный Горький, теперь снова Нижний Новгород: переполненные трамваи, барахолка, карточки, уныло, голодно... Но вот идет по «свердловке», центральной городской улице, Антонина Николаевна Самарина, нарядная, яркая, на высоких каблуках (теперь-то я понимаю, какого немалого мужества и постоянных усилий стоил ей этот имидж!), и светлеет вокруг, расцветают люди улыбками. Всем-то она известна, в каждом доме судачат, сколько ей может быть лет, о ее ролях, мужьях-любовниках... Актриса! Гордость города! Живая легенда, сообща творимая.

Разговорились как-то недавно в Курске. Главный режиссер местного драмтеатра Юрий Бурз, потомок известной в провинции театральной династии, рассказывал об отце: чтобы с продуктовой сеткой пройти по Самаре? Ни за что! А когда из гримуборной исчезло его кожаное пальто, жулики, узнав, что оно принадлежало Валерию Бурзу, принесли обратно, извинились.

В Курском театре, что бы ни обсуждалось — прошлое, будущее, политика, дороговизна, — разговор все время возвращается к театру. Реже других «выступает» Валерий Ломако, герой местной труппы, ее Арбенин, Крестный отец, Отелло, сдержанностью и скромностью поведения менее всего напоминающий и своих коллег-предшественников, и собственных сценических персонажей.

Говорит немного, негромко. Держится в тени. Усталое, но очень молодое лицо. Стандартно одет. Скорее инженер, ма-

стеровой. Как потом оказалось, опознавательные знаки, не лишние оснований: Валерий Иванович на самом деле, как говорится, мужик на все руки — купил машину, сел за руль и, никогда прежде не управляя автомобилем, поехал. Или у себя на даче он все делает сам, споро и охотливо.

И все-таки есть в нем нечто, заставляющее именно его слова выделять из общего хора, некая значительность, особенный, какой нельзя не почувствовать, масштаб личности.

«Актёр?! Это не профессия — диагноз. Особое состояние души. Болезнь, если хотите...».

Как услышал он в себе зов к театру? Какими были его первые художественные впечатления?

Увы! Это не было ни «Лебединое озеро», ни «Синяя птица», а пьеса, он и названия-то ее не помнит, которую в районный центр его детства, Рудню, что под Сталинградом, привез в послевоенном сорок седьмом Камышинский драмтеатр. И была там такая сцена: крестьянин убегает от полиции, его прячет в шкафу священник, приходит полицейский, спрашивает про беглеца, тот отвечает: «Не знаю», а сам косит глазами на шкаф...

Малолетнего подростка поразило тогда не искусство как таковое, а творимое на сцене предательство, воспринятое за абсолютную реальность. Он запомнил на всю жизнь поднявшуюся внутри волну сочувствия к герою, жажду действовать, предупредить зло.

Вот с этого обостренного страдания, соучастия, — уверен Валерий Иванович, — и начинается артист.

...Ему уже стукнуло пятьдесят. За плечами — несколько городов и театров: Саратов, Свердловск, Волгоград, Курск, впрочем, не так уж и много для периферийного артиста. Множество сыгранных ролей, и почти все — главные. По своему амплуа он герой в чистом виде: Андрей Белугин, Беркутов, дядя Ваня, Морозко, Ленин, Арбенин, Отелло...

Когда Ломако выходит на сцену, куда только деваются его сдержанность, неброс-

кость! В свете прожекторов вдруг обнаруживаются и замечательная мужская стать, и та огромная внутренняя сила, до необходимости скрываемая, которая и делает артиста центром притяжения. Героем не только по роли — по праву.

Ломако суров, даже порой жесток в оценках, его творческий, житейский максимализм непрост для окружающих. Зато все знают: не соврет, не подведет и ловчить не будет. Вот уж не в первый раз единодушно избирается секретарем местной организации Союза театральных деятелей России.

— Актеры — особенно умельцы взрывать дело изнутри, — говорит Валерий Иванович. — Театру, как кораблю, нужны ветер под крыльями, прочная оснастка, но полно желающих пробивать дырки в днище. Бездарям и приспособленцам выгодна мутная вода. Сводятся личные счеты, сшибаются самолюбия.

Довольство собой возникает в нем редко. Он из породы самоедов. И вечных тружеников. Счет собственных удач у него гораздо меньше сыгранных ролей. Он боится брать на себя право суда и оценки, все только через зрителя.

— Пьеса может быть средней и роль невыдающейся, как было со спектаклем о Константине Симонове, — продолжает Валерий Иванович, — но пожилые люди в зале плакали, вспоминая молодость и военное лихолетье, не только старые, но и молодые, аплодировали стоя. Это для меня дороже, превыше всего.

Счастливы ли он? Не жалеет ли о прожитом? Не хотел бы — сначала и по-другому? Что мучает его в нечастые минуты, когда он остается один?

Пытается отшутиться: вырастил дочку... построил дом... посадил дерево... Но потом без дополнительных просьб, не отступая, начинает, как видно, о самом для себя главном:

— Мучает тотальная несвобода. Рабская привязанность к сцене, постоянная зависимость от обстоятельств, даже отпуск только вместе со всеми, в общий срок... Мечтал о Гамлете, а получал секретаря райкома. Зависимость от директора, глав-

● «Маскарад». В роли Арбенина — В. Ломако.

ного режиссера, просто режиссера, партнеров, осветителя... Профессия унижена, как никогда. Вместо мыслей о творчестве — где достать? На что купить? Поутру выхожу за майонезом — «без банки не положено», дают в порядке исключения под актерскую популярность. Вот вам и престиж профессии в современном обществе!

— Хотите ли, чтобы дочка была актрисой?

— Ни в коем случае!

Квартирка скромная в панельном доме. Работы, забот неавторитет. Быт трудный. Все подчинено театру. Так и живет трудяга и художник из Курска, один из замечательных мастеров российской периферии Валерий Ломако свою единственную и счастливую жизнь. Вместе со своим временем.

Анна КУЗНЕЦОВА.